

Факты, комментарии, заметки (с рабочего стола социолога)

© 1992 г.

А.И. АНТОНОВ

ВОЗРОДИТЬ СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ

АНТОНОВ Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии семьи МГУ им. М. В. Ломоносова.

Впечатление, что сегодняшние конфликты, большие и малые катастрофы обрушились на нас внезапно, как слепая лавина, обманчиво. Их истоки — в той тоталитарной системе, которая шлифовалась в стране десятилетиями. Для понимания происходящего важно описание разрушительно-нивелирующей силы тоталитаризма, подавлявшего все или почти все человеческое в человеке. Катастрофичным оказалось разрушение первичных структур общественной жизни, прежде всего семейных отношений, семьи.

Социологические исследования семейной сферы показывают, что здесь происходили процессы, результаты которых заметны буквально в каждой клеточке социального организма. Феномены человека-винтика и затенение социально-статусных различий, связанных с образованием, профессией, доходом и т. д., коррелируют с тем, что стало с семьей, с материнской сутью женщины, вовлеченной в общественное производство, с сексуальностью и вообще интимностью бытия.

Социологические исследования семьи и рождаемости фиксируют стереотипность повседневно уклада жизни, причем, показатель числа детей в семье неожиданно оказывается интегральным. Как правило, зная характеристики, можно с успехом прогнозировать и жилищные условия семьи, и уровень жизни. Получается, что массивная детность сильнее дифференцирует поведение и образ жизни людей, чем привычные социальные переменные. Не имеющие детей, однодетные и трехдетные разнятся сильнее, чем по своей профессии, например, или по образованию. В повседневной жизни та или иная «детность» навязывает соответствующий бытовой уклад, перекрывая действие социального статуса, дохода и т. п. Интересно и то, что массивная малодетности, в тенденции сплошная, повсеместная, тем не менее четко очерчивается национально-территориальными зонами [1]. Не случайно в Среднеазиатском регионе и в Закавказье критерий детности играет определенную роль в становлении национального характера человека. Этот критерий значим и для европейской части бывшего Союза, где национальное своеобразие утверждается в оппозиции многодетности. Проблема в политическом отношении примечательна, но совершенно не исследована. В условиях демократизации общественной жизни пробуждение политической активности происходит на основе чуть ли не единственной статусной определенности личности по национально-детному принципу. Подчас мы сталкиваемся при этом с уродливыми метаморфозами семьи и нации, особенно в конфликтных зонах.

Для любого человека важно не только сохранение жизни и здоровья, не только сохранение себя как члена общества, гражданина. На первом месте всегда будет стоять потребность в признании уникальности своего Я. Эта потребность выражается весьма эмоционально, сопровождается гаммой чувств, в центре которых переживания само-

ценности, предполагающие сопереживание, сочувствие со стороны других, и прежде всего со стороны самого первичного круга — семьи. Подлинная семья и есть там, где каждый получает истинное спонтанно, как бы само собой, где каждый, каким бы он ни был, одновременно ощущает себя частицей, и центром семейного целого. Семья в этом смысле незаменима. Никакие межличностные связи, тем более в формальных организациях, нельзя уподобить семейным. Поэтому крайности в формах отчуждения личности, социального отчуждения возможны только как результат развала семьи. И если в обществе намечаются попытки преодоления тотальной отчужденности, то успех этих намерений не мыслим уже без возрождения *homo famulus*.

В России малодетность семьи есть в равной мере итог общемирового процесса, следствие затяжного кризиса экономики и политики, причем под малодетностью следует понимать не просто наличие одного-двух детей в семье, но и преобладание малодетной ментальности, такой системы ценностных ориентаций, которая отличается сильным отчуждением личности в сфере социальных и семейных отношений. В обществе, имитирующем активность, отстранение от псевдоценностей и норм — защитная реакция личности на неподлинность существования. Но люди невольно втягиваются и в процесс отчужденного восприятия подлинных ценностей как «казенных». Именно это произошло с ценностью существования человеческого рода, воспроизводства населения, рождаемости, семьи, детей. Отчужденный человек стал относиться к этим ценностям не как к своим собственным, а как к навязываемым извне. И результат этой трансформации ценностных ориентаций не замедлил сказаться. Массовая малодетность семей — вот ее итог, который рано или поздно начинает беспокоить и само государство: нехватка трудовых ресурсов и пополнения армии.

Но государство — бюрократический орган, и все, что связано с семьей в общественной жизни, его мало интересует изначально. Дает себя знать историческая противоположность семьи и государства, о которой немало говорилось во все времена. Ориентация государства на социальную защиту населения, ограниченную чисто материальной помощью, конечно, производит впечатление заботы о населении. Эта сиюминутная политика находит отклик в массах, но для решения нашей проблемы семьи такой заботы, мягко говоря, недостаточно. Речь должна идти о возрождении определенных ценностей семейной жизни.

Еще в начале 70-х годов социолого-демографические исследования и опросы населения выявили смещение ценностей личности в сторону «материального фетишизма». В то время уже вопросы о семье и детях вызвали бесконечные жалобы на жилищные и материальные трудности [2]. Но дети не рождаются исключительно по экономическим соображениям. Интенсивное использование ссылок на материальные препятствия к рождению детей, названное в социологической демографии и социологии семьи «концепцией помех», свидетельствует о всеобщности отчуждения в этой сфере...

Обезличенные, обюрокраченные отношения людей, далеких от подлинной инициативы и активности, отразились и в семейных отношениях. Занимаясь большей частью имитацией служебной деятельности, люди, возвращаясь с работы домой, в семью, не могут не привнести сюда укоренившиеся шаблоны поведения, хотя именно в лоне семьи требуется принципиально иная стратегия жизни, где все следует делать всерьез, подлинно, без «халтуры» и «показухи». И прежде всего «инфицированию» подверглись те отношения, которые составляют сердцевину и суть собственно семейной жизни — отношения «родители — дети», родительства, отношения между старшими и младшими поколениями.

Вытеснение семейного производства и вовлечение в орбиту наемного труда всех трудоспособных членов семьи, заключение несовершеннолетних в дошкольных организациях, а престарелых — в приютах лишили людей общесемейной деятельности и межпоколенного общения, привели не только к физическому, но и психическому разъединению их, отстраненности друг от друга.

Не имея возможности передавать по наследству недвижимое имущество (в городах — квартиры, в деревнях — дома с землей), родители потеряли свое влияние на взрослых детей и само желание иметь именно нескольких потомков. Нынешняя потребность

в детях — это фактически потребность в ребенке, да и то в малыше, т. к., начиная с детского сада, родители постепенно утрачивают свое родительское «владение» им в социально-психологическом смысле. Уменьшение родительского влияния на формирование личности ребенка было прямо пропорционально усилению влияния школ, интернатов, пионерлагерей и общественных организаций (вспомним поразительный феномен Павлика Морозова). Неизбежная при этом взаимная чуждость родителей и детей сопровождается насилием над последними, побегам их из семьи, учащением правонарушений детей и подростков в полных семьях. Прямой отказ матерей от новорожденных выглядит сегодня обычным, впрочем как и отказ от престарелых родителей, помещаемых в спецдома.

Но вероятно, самый главный и вместе с тем опасный результат отношений отчуждения в этой сфере — массовидный характер одиетности. Она вошла в нашу жизнь уже как некий стандарт семейного благополучия, и никто не отдает себе отчета в том, что одиетность — ближайшее следствие имитации семейного образа жизни, форма существования одиночества троих, предпосылка не только для известных конфликтов, но и крушения целых судеб.

В бывшем СССР глобальный процесс разрушения общесемейной деятельности, социальной роли семьи, ведущий к исчезновению многодетности вплоть до бездетности, имеет специфические и исторические условия. Прежде всего для него характерно влияние войн и репрессий на распад браков, семей, на осиротение детей, обреченных воспитываться вне семьи. Размеры потерь, понесенных институтом семьи, огромны, но впечатляет и другое — с 1914 г. и до начала 50-х годов не было ни одного поколения, которому удалось бы избежать разрушительных последствий тех или иных исторических событий. Неустойчивость социального положения человека, неуверенность в своем будущем и будущем своей семьи не прошли бесследно и для последующих поколений. Сформировались и продолжают подкрепляться психологические установки, обесценивающие здоровье и жизнь человека, членов семьи, отрицательно сказывающиеся в психосоматическом отношении на детях.

Едва ли не самым тяжелым наследием сталинских репрессий явилась деморализация семейных (родительских, родственных, супружеских) отношений. Их доверительность, интимность, близость подверглись разрушительному испытанию. Декларируемые стандарты «социалистического равенства» оборачивались неприятием особого отношения членов семейно-родственных союзов к «своему», близкому человеку. Практика отказов жен и детей от мужей и отцов, объявленных «врагами народа», свидетельствовала о принудительном отлучении людей от ценностей семейности, которое поставило нормы семейной близости ниже норм «социалистической морали». Этому в немалой степени способствовало распространившееся в 20-е годы и позже отношение ко всему семейному не просто как к чему-то второстепенному, а как к «мелкособственническому», «непротарскому», «мещанскому» (отголоски подобного отношения сохранились до наших дней). Взамен атмосферы семейной близости и интимности распространялась напряженность псевдоколлективности.

Обстоятельством, негативно повлиявшим на семью, нельзя не признать интенсивные индустриализацию и урбанизацию в условиях ликвидации частной собственности и мелкого производства. Обобществление народного хозяйства, в том числе коммунально-бытовой сферы, вовлечение в систему государственного производства мужчин и большинства женщин лишило семейное производство основных работников. Устранение семейных домохозяек как самостоятельной социальной категории опережало создание дошкольных учреждений и интернатов, системы пионерских лагерей, санаториев и др. Общественное питание, стирка, общественное содержание и воспитание детей, по признанию большинства ученых, существенно отставали от «выдергивания» женщин из домашнего хозяйства. В силу бытующих социальных норм повседневной жизни (совершенно не учитывавшихся теоретиками «женского равноправия») женщинам пришлось выполнять основную часть домашней работы после обязательного рабочего дня на государственном предприятии. И «домашнее рабство», скажем словами В. И. Ленина, было дополнено «производи-

тельным» трудом, т. к. зарплаты мужа не хватало для содержания семьи. Насаждаемая государством практика двойного рабочего дня женщин сопровождалась призывами к демократизации внутрисемейных отношений, призывами, обращенными к мужьям, взять часть домашних работ на себя (вопреки укоренившимся социокультурным нормам).

Расчеты, произведенные С.Г. Струмилиным на основе бюджетов времени рабочих семей в 1922 г., показали, что в семьях на каждые 100 ч платной работы на государственных предприятиях приходится 142 ч домашней, неоплачиваемой работы, а это означает, что создание сферы общественных услуг, выполняющей подобный объем домашнего труда, оказалось утопией [3]. По расчетам экономистов, в 70-е годы домашнее хозяйство поглощало ежегодно 180—200 млрд человек-часов, и для выполнения этого объема работ необходимо примерно 100 млн человек, т. е. ровно столько, сколько имелось на момент расчета в стране рабочих и служащих [4]. Таким образом, «равноправие женщины» так и осталось прекрасной мечтой, реальность была иной. Но именно личная, материнская заинтересованность женщины в рождении и домашнем воспитании детей позволяла ей, вопреки всем экономическим, социальным и политическим обстоятельствам, выносить двойное «бремя» на своих плечах.

Фактически проводившаяся в стране социальная политика ориентировалась, возможно неявно, на модель нукlearной семьи — работающие вне семьи супруги и пребывающие вне семьи дети (в течение рабочего дня родителей). Минимальная плата за наемный труд, едва достаточная для удовлетворения насущных потребностей самого работника и недостаточная для содержания даже одного ребенка (после повышения цен весной 1991 г. — уже недостаточная и для «половины ребенка», а после {(либерализации) цен в январе 1992 г. — и для «четверти ребенка!»), присвоение государством продукта семейного воспитания и обеспечения — совершеннолетних детей, забираемых в армию наемного труда (сыновей — буквально в армию) это и есть реальность политики семейной дезорганизации.

Корни этой политики весьма разветвлены, если обратиться к истории. Первое десятилетие советской власти в стране преимущественно сельской, с преобладанием семейного мелкого производства, увы, сопровождалось интенсивной пропагандой феминистского толка. Обсуждение проблем свободы любви, сведенных в массовом сознании к проблеме половых связей, внесло весомый вклад в развитие внесемейных ориентаций женщин. Ориентации усиливались практикой социально-экономических отношений, и все это приводило к тому, что в крестьянской стране, какой в основном была Россия того времени, все революционные начинания ассоциировались у населения с борьбой против семьи (отмена частной собственности и наследования, отделение «кухни», домашнего труда от брака и семьи, общественное воспитание детей и т. п.). Направленность официальной пропаганды против «косности» патриархальных отношений, называемых «домостроевскими», придавала мощный импульс «революционной» войне с «буржуазной» семьей, а фактически с семьей вообще как важнейшим элементом культуры.

Интересно, что до сих пор в социологии семьи и демографии чувствуются отголоски характерной для большевизма политики антипатриархальности, антитрадиционализма: малейшая попытка отменить ценность для существования семьи как социального института взаимосвязи трех поколений, автономного семейного производства, четкого распределения внутрисемейных ролей между родителями и детьми, мужьями и женами тотчас же толкуется как проповедь патриархальности и домостроевщины, где муж кнутом и пряником показывает власть жене и детям [5].

В стране до сих пор нет семейной политики в строгом смысле слова или демографической политики в области рождаемости. Постоянно подчеркиваемая в официальных документах необходимость большей заботы о семье, о женщине-матери упирается в обещания государственной помощи малообеспеченным слоям населения, в число которых попадают теперь все многодетные семьи, множество семей с одним родителем, семей с инвалидами, молодых семей с престарелыми иждивенцами и др., а также в вопросах охраны материнства до и после родов, для женщин, занятых в государственном секторе. Самостоятельная семейная политика может стать составной частью социальной политики лишь в том случае, если будет признана сама проблема кризиса семьи, причем на самом высоком уровне — государственном. В истории немало примеров

того, как трудно и долго решаются даже общепризнанные проблемы, но что можно сказать о решении проблем, которые не то чтобы неизвестны, неизвестны, а о которых слышаны многие и которым отказано в праве называться проблемами?

Осуществляемая сегодня реформа прямо не связана с учетом интересов семьи с несколькими детьми, родительства и родства в их отношении к совместной общесемейной деятельности. На мой взгляд, нужна особая социальная политика, направленная на укрепление семьи с несколькими детьми, которая способна нейтрализовать кризисный характер брачно-семейных процессов (давно беспокоящий нашу общественность), выражающийся в нестабильности браков, высокой разводимости и росте добровольного безбрачия, отчужденности членов семьи и асоциальных формах внутрисемейного общения, насилии в семье и росте числа детей, содержащихся в детских домах и интернатах, распространности соматических и невротических расстройств у детей в малолетних семьях, услове правонарушений детей и подростков и т.д.

Трансформация экономических и политических основ (в ее сегодняшних формах — без специальной семейной и демографической политики) при своем возможном успешном развитии создаст лишь базу благополучия семьи, но автоматически не укрепит, не восстановит институт семьи в общественной жизни. Только специальная семейная политика, поощряющая семейный строй жизни и устраняющая последствия сложившегося при сталинизме подавления ценностей семейных отношений ценностями идеологическими и государственными, способна обеспечить бесперебойное осуществление двух фундаментальных семейных функций — рождения и воспитания необходимого числа детей. Люди должны «хотеть» семейной жизни и ослаблению этого желания, кризису семьи необходимо положить конец.

В условиях, когда малолетняя семья все более становится убежищем сосуществования трех одиночеств, а все социальные институты противостоят ей, соревнуясь в перехвате семейных функций, требуется не благотворительная помощь семье, а радикальное изменение места семьи в обществе. Возможно, это потребует создания новой системы поощрения семейного образа жизни и семейственности, принципиально исключающей какое-либо принуждение. Отказ от семейной политики в общенациональном масштабе из-за боязни вмешательства в частную жизнь вовсе не безобиден. Политика невмешательства сегодня гибельна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М.: Мысль, 1986; Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР М.: Наука, 1987.
2. Белова В. А. Число детей в семье. М.: Статистика, 1975.
3. Струмилин С. Г. Избранные произведения. М., 1964. Т. 3. С. 193—195.
4. Балькова Н. А. Пути сокращения домашнего труда. ЭКО. 1978.
5. Волков А. Г., Дарский Л. Е. Демографическое развитие семьи // Демографическое развитие в СССР М. 1985.